

Л. Р. Сулейманова (Сибай)

Изучение лексики погребально-поминального обряда башкир на основе этнолингвистических исследований

В современной лингвистической науке важное значение имеет исследование проблемы "Язык и культура". Любой обряд – это наиболее стойкая форма традиционной культуры, исследование которого требует комплексного подхода. Этому способствует этнолингвистическое направление в языкознании, изучающее отражение в языке культурных, социально-психологических и мифологических представлений, которое помогает наиболее полно раскрывать понятие "языковая (национальная) картина мира". Также в последнее время башкирскими лингвистами начата работа по составлению этимологического словаря. В связи с этим становится актуальной проблема разработки тематических групп лексики. Если отдельные группы лексики башкирского языка в той или иной степени нашли отражение в башкироведении, то лексика, связанная с погребально-поминальными обрядами башкир, еще не была предметом специального исследования. Между тем разработка данной тематической группы лексики может пролить свет на многие проблемы не только этимологии, истории башкирского языка, но и истории культуры, этнографии башкир и других тюркских народов.

Лексика, связанная с погребально-поминальными обрядами и обычаями башкир, была зафиксирована еще в трудах этнографов, фольклористов, археологов досоветского периода, среди них можно назвать имена И. И. Лепехина, Н. С. Попова, Льва фон Берггольца, М. Байшева, Д. П. Никольского, П. С. Назарова, С. И. Руденко. Немало интересного по изучаемой нами теме можно извлечь из трудов современных исследователей, занимающихся историко-этнографическими, археологическими, фольклорными проблемами (Н. В. Бикбулатов, Ф. Ф. Фатыхова, Р. А. Султангареева, Ф. А. Надршина, Н. А. Мажитов, Р. М. Юсупов, Г. Б. Хусаинов, Н. Г. Мухтаров и др.).

Следует сказать, что в башкирской лингвистике по данной проблеме до сих пор специальных исследований не проведено. В работах башкирских лексикологов (Э. Ф. Ишбердин, М. И. Багаутдинова, Ф. Г. Хисамитдинова, Л. Х. Самситова, С. Ф. Миржанова, Р. Х. Халикова, А. А. Камалов, Н. Х. Ишбулатов, Р. Н. Хадыева) в процессе освещения различных аспектов башкирского языка рассмотрены отдельные термины, относящиеся к изучаемой нами теме.

Изучение лексики погребально-поминального обряда помогает познать, что означало для башкир такое сложное понятие как смерть. Понятие смерти прошло длительный путь становления и развития от первобытнообщинных представлений до современных пониманий. Как отмечает Ф. Ф. Фатыхова, представления башкир о рождении и смерти человека на разных этапах исто-

рического развития народа были неодинаковыми [9;107]. Древние воззрения о смерти раскрываются уже в эпосе "Урал батыр", где жизнь и смерть представлены как неразрывные части мироздания. Судя по вышеназванному эпосу, древние башкиры придерживались концепции трехчленного строения мира. В Верхнем мире расположены небеса, населенные богами; Средний мир – это земля, обиталище людей и животных; Нижний мир (Подводный) – преисподняя, где живут злые духи [1; 43].

В тюркской мифологии миром управляют боги, которые подчиняются Верховному богу Оло Тенгри. Он тесно связан с небом, определяет сроки жизни людей. Башкиры преклонялись 12 богам, среди которых и "у смерти господь" [2; 97]. Нет сомнений, что слово "господь" подразумевает Тенгри, и можно предположить, что у башкир был отдельный бог Смерти. Об этом говорит и функционирование в языке лексических единиц типа *улем килеу*, *улем кәтәу*, которые указывают на антропоморфность смерти.

За тысячелетний доисламский период развития погребально-поминальный обряд башкир пережил такие этапы, как период язычества, зороастризма, маздеистских обычаев, тенгрианство и др. Мифологические и религиозные верования легли в основу погребально-поминального обряда. Обряд получает общественно важный статус, нарушение которого расценивалось как посягательство на благополучие всего коллектива. По мнению ученых, современный погребально-поминальный обряд – лишь осколок архаичной культуры, который имел различные формы в прошлом [1; 43]. И наши исследования показывают, что несмотря на смену культур, изменение обрядов, термин продолжает существовать в системе, лишь постепенно утрачивая семантику или меняя свое значение.

Погребально-поминальный обряд при всей своей сложности и множественности деталей подчиняется строгой системе правил. Этнографическая сторона погребального обряда представляет собой систему обрядовых знаков – актов. Как знак, акт выражается в действии и имеет свою мотивацию. Обрядовые акты, действия, которые объединяются по функциональному признаку, образуют цельные группы – составные части обряда, которые определяют его структуру.

В структуре обряда мы выделяем 4 этапа, каждый из которых подразделяется еще на группы: 1. Предсмертный период 'үлемгә тиклемге осор' (приготовление к смерти 'үлемгә әзерләнеу'; приближение смерти 'әжал якынлашыуы'; прощание 'бәхилләшеу'); 2. Смерть 'үлем' (предсмертная агония 'үлем ғазабы кисереу'; наступление смерти 'йән биреу'); 3. Погребальные обряды 'ерләу йолалары' (охрана покойника 'мәйет кәтәу'; приготовления к погребению 'ерләргә әзерләу'; проводы покойника 'озатыу'; погребение 'ерләу'; очистительные обряды 'мәйет сыгккан өйзә башкарылган йолалар'); 4. Поминальные обряды 'мәрхүмде искә алыу йолалары'.

Момент наступления смерти нами выделен как отдельный этап, так как практически не осязаемое во времени действие в языке обладает максимальной информативностью.

По мнению С. М. Толстой, весь состав обрядовых актов обозначается обрядовой терминологией, которая достаточно устойчива и состоит из несколь-

ко лексико-тематических групп [7; 215]. Вслед за С. М. Толстой и на основании проведенного нами исследования, в похоронном обряде башкир мы выделяем следующие лексико-тематические группы: 1) названия обрядов, их комплексов и актов; 2) названия ритуальных действий; 3) названия участников и объектов ритуальных действий; 4) названия обрядовых мест; 5) названия ритуальных предметов.

Лексика погребально-поминального обряда башкир исследуется в тесной связи с анализом самого обряда с целью выявления взаимосвязи языкового и внеязыкового планов, отражения обрядовой стороны похорон в терминологии.

Рассмотрим названия обрядов, их комплексов, передающие значение наступления смерти. Это практически не осязаемое во времени действие фиксируется в языке огромным количеством слов и выражений.

В структуре обряда выделяются такие этапы, как предсмертная агония и наступление смерти. По словам информаторов, у башкир принято считать, что нелегко отдать богу душу, легко умирают лишь праведники, тяжелой смертью наказываются грешники. “*Әгәр кеше изге, мәрхәмәтле булһа, йәнде йо клаған һымак бирә*” (Бүлякова М. Х., 1928 г. р., г. Сибай). Лексические единицы, выражающие предсмертную агонию, наблюдаются в разговорной речи: *үлем газабы кисереу* (Зилаирский р-н), *үлем каза кисереу* (г. Сибай), *йән талашыу* (Салаватский р-н). (Сравните: *жанталасу* (казах.), *жан газабы* (тат.). При действиях, направленных на облегчение расставания души с телом, тихо произносят тахлил (*тәһлил әйтеу*) “Лә иләһә илләләһ”. Эта лексема образована от арабского слова *тәһлил* со значением ‘нет бога, кроме аллаха’. Больному в предсмертном состоянии дают воду или смачивают губы влажным перышком, чтоб шайтан не успел подать воду. По религиозным представлениям, в этот момент человек испытывает такую жажду, что ради ложки воды готов предать религию и продать душу дьяволу, который так и ходит рядом. Сакральность этой воды отражается и в пословицах, поговорках: *Үгәй инә илгәзәк – улеп ятһаң, һыу һалмаҫ* ‘Мачеха радушная, а при смерти и воды не даст’; *Үлергә ятҡанда ауыҙыңа бер йотом һыу һалмаҫ (һаран кеше тураһында)* ‘И при смерти глоток воды не даст’ (о скупом человеке).

Над изголовьем умирающего читают суры из Корана “Ясин” или “Мульк”, что способствует выздоровлению, продлеванию жизни, а если настал смертный час, облегчает муки [3]. В башкирском языке этот ритуал обозначается словосочетаниями *ясин сығыу*, *ясин укыу* ‘читать ясин’ в значении ‘молитва над умирающим’. *Ясин* – слово арабского происхождения, от названия 36-ой суры Корана. В ик-сакмарском говоре функционируют варианты *йәсин укыу* (Сибай), *йән ясин укыу* (Хайбуллинский р-н).

Чтобы дыхание вышло на белое *йәне акка сыҡһын*, *тыны акка сыҡһын*, лицо умирающего покрывали белой тканью. Судя по данным Й. Тормы и Ф. Г. Хисамитдиновой, башкиры различают четыре души: *йән* ‘душа жизни’, *тын* ‘душа дыхания’, *кот* ‘душа сердца и счастья’ и *исем* ‘душа имени’. Причиной многих болезней, смерти, понимается отлет одной из душ [8]. Ф. Ф. Фатыхова отмечает, что при отторжении от человека *тын*, наступала неминуемая смерть [9]. (Сравните: в хакасском языке *тынныг ниме* ‘душа’).

Итак, можно предположить, что значение лексической единицы *тынын ачка сыгарыу* связано с доисламскими древними верованиями башкир о душе и слово *тын* в этом случае обозначает одну из душ человека.

Момент наступления смерти является наивысшей точкой в обряде, источником большой языковой информации и выделяется в отдельный этап. Основная единица, обозначающая обрядовый акт – *үлем* 'смерть' по происхождению является тюркским, также употребляется в родственных языках: *үлем* (тат.), *өлүм* (кирг., уйг., тув., азерб.), *өлім* (казах.). В "Этимологическом словаре тюркских языков" Э. В. Севортяна среди производных от *өл* названия действия с аффиксом (*e*)*m* отмечаются как наиболее распространенные и древнейшие. Формы *olmes*/*olmez*, образованные от корня *ol* встречаем в словаре М. Кашгари [4]; *olti* – в древнетюркских памятниках; *olym*/*olom* – в "Опыте словаря тюркских наречий" В. В. Радлова [5]. В лингвистических исследованиях Ф. Г. Хисамитдиновой элемент *өл/ул* также выделяется как древнейший и в семантическом отношении связывается со словом *өлөш* 'доля'. Непредметное пространство слова *өлөш* сближается со значениями слов *язмыш*, *тәкдир* 'судьба, предопределение', *насип* 'доля, участь, судьба', *ризык* 'доля, судьба', отдаленно семантически сближается со словами *үлсәү* 'мерить', *үлем* 'смерть' [10]. И наши исследования показывают, что в материалах фольклора и языка некоторые значения вышеназванных слов дают понятие смерти. Например, оттенок значения слова *тәкдир* – 'смертный час, предопределенный роком', *ризык бөтөү* – 'наступление смертного часа после истраты предназначенной (отмеренной) еды (доли)', *ыризыгы бөтөү* (гайнинский) букв. 'истрата предназначенной еды' – *үлеү* 'умереть'. Интересно, что и в монгольском языке слово *олус* имеет значение 'голодная смерть' [6].

Исходя из вышеизложенного, о семантике слова смерть можно сказать следующее: *үлем* – это судьба 'язмыш', *рок* 'тәкдир', предопределенный свыше, истрата отмеренной жизни, доли.

Таким образом, изучение погребально-поминальной лексики башкирского языка выясняет многие проблемы этимологии, истории башкирского языка, также способствует изучению проблем этнографии, культуры, представлений о модели мира не только башкир, но и других тюркских народов.

Список литературы

Башкирское народное творчество: Обрядовый фольклор. Уфа: Китап, 1995 (на башк. яз.).

Валиди А. Путевые записи Ибн Фадлана // Вагандаш. 1997. №7 (на башк. яз.).

Религиозный календарь (2003 год). Уфа: Китап, 2002. 334 б. (на башк. яз.).

Кашгари М. Девону лугат иг-турк. В 3-х т.: Т. 1: Анкара, 1939. 530 с.; Т. 2: Анкара, 1940. 366 с.; Т. 3: Анкара, 1941. 452 с.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., Т. 1–4. 1893–1991.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.

Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкций древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской культуры: Источники, методы. М., 1989.

Торма Й., Хисамитдинова Ф. З. В. Туган и проблемы традиционной культуры и мировоззрения башкир // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура:

Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения З. В. Тугана. Уфа, 1992. С. 112–117.

Фатыхова Ф. Ф. Душа в древних верованиях башкир // Востокведение в Башкортостане: История. Культура / Научное наследие башкирских ученых-эмигрантов и вопросы современности: Тезисы конференции / Башкирск. ун-т. Уфа, 1995. С. 48–52.

Хисамитдинова Ф. Г. Понятие “өлөш” (“доля”) в башкирской мифологии // Ватандаш. 2003. № 1. С. 103–106.